

Фрэнсис Ходжсон Бёрнетт

МОЙ РОБИН

В 1912 году, вскоре после первой публикации «Таинственного сада» Бёрнетт написала книжку про робина, который жил с ней в саду в Мейтем-Холле, в английском графстве Кент. Они быстро подружились, и в хорошие дни он сидел на столе, пока она писала. Когда она покинула любимый уголок и переехала на Лонг-Айленд в Америку, этот небольшой рассказ стал данью как самому месту, так и птичке-невеличке, с которой ей пришлось расстаться.

Среди писем, полученных мною прошлой весной, одно меня особенно тронуло. Его автор, прочитав «Таинственный сад», спрашивал: «Правда ли, что существовал живой прототип вашего робина? Вряд ли это чистая фантазия. Я уверен, что он к вам прилетал». Сердце у меня радостно забилось. Этот человек знал об английской малиновке не понаслышке. Я коротко ответила ему, а сейчас расскажу обо всём подробнее.

Я не обладала робинком — это он обладал мной. Или мы обладали друг другом.

Он был человеком, а не просто птицей. Английский робин сильно отличается от американского. Он куда меньше, и форма другая. Округлый, пухленький, ножки стройненькие. Такой изящный маленький патриций, поражающий своим достоинством. Глаза большие, тёмные, влажные. Грудь навывкате, в облегающей атласной манишке ярко-красного цвета. Каждый наклон головы, каждое движение крылышка исполнены драматизма. А какое тщеславие, какое неуёмное любопытство! Он готов завязать с вами дружеские отношения, не считаясь ни с чем. А его бешеная ревность к тем, кому вы оказали явно незаслуженное, по его мнению, внимание, толкает его на поступки, вызывающие умиление. Тут уж он постарается вам понравиться

или попытается хотя бы отвлечь вас от предмета вашего внимания. В общем, близкое общение с английским робинем — это целая наука.

С моим робинем я познакомилась в розарии, когда жила в Кенте. Думаю, он там родился и, по меньшей мере, в течение лета был уверен, что этот сад и есть весь мир. Это было чудесное таинственное царство, огороженное с одной стороны красной кирпичной стеной, обсаженной фруктовыми деревьями, а с другой — живой изгородью из лавров, за которой начинался лес. Там я писала, сидя под старым скрюченным деревом, покрытым серым лишайником, а вокруг цвели розы... О такой сказочной тишине и полном уединении можно было только мечтать. Но не будем отвлекаться! Я должна проявить твёрдость: ведь мой рассказ о робине. Сад — это уже другая история.

В этом саду жил самый разный народ: кто в перьях, кто в меху, и, поскольку я сидела тихо, они не обращали на меня никакого внимания. Поэтому я не удивилась, когда однажды утром, подняв голову, увидела совсем рядом подпрыгивающего в траве птенчика. Удивительно было то, что он не улетал, а продолжал своё занятие, поглядывая на меня, и не мимоходом, этак невзначай, но как человек, внимательно присматривающийся к новому знакомому. А всё дело в том, что, как я поняла позднее, он не принял меня за человека. Вероятно, я была первым большим двуногим, которое он встретил в розарии, и он решил, что я — такая вот необычная малиновка. И между прочим, оказался прав, хотя это моя большая тайна. Вот почему я сидела неподвижно, ни разу не шелохнувшись, исполненная огромной нежности ко всякой божьей твари.

— Почему он подбирался к тебе так близко? — спросил у меня кто-то месяц спустя. — Что ты для этого делала?

— Сама не знаю, — ответила я. — Просто сидела тихонько, ощущая себя малиновкой.

Всё может получиться, только если вы отнесётесь к этому крохе с особой нежностью, если вы разделите с ним его робость, его чувства, каждой своей клеточкой постараетесь его не напугать, ничем не намекнёте на то, что способны сделать ему больно. Наоборот, стремясь понять его хрупкие надежды и желания и страхи, вы на время словно перестали быть человеческим существом, зато развили в себе особое чувство, которое говорит о вас больше, чем любые слова.

Вот так я тихо сидела, на него поглядывая. Я даже не знала, что передо мной малиновка. Это был ещё птенец, но этого я тоже не знала. Понятно только, что не дрозд и не коноплянка, не воробей и не скворец. Без характерной красной манишки он казался птихой неопределённой породы. Я глядела на него, а он на меня — без опасений, пожалуй даже с интересом, и всё подпрыгивал, подпрыгивал, подпрыгивал...

Удивительно и даже поразительно. Ещё ни одна птица, какой бы безвредной не выглядела я в её глазах, не показывала всем своим поведением: я не собираюсь улетать! Обычно они на секунду присаживались на соседнюю ветку или на траву и, что-то наскоро спев или прочирикав или сцапав пробегающего золотистого жучка, улетали. Ни одна не искала со мной тайной близости, не пыталась установить контакт. Вы когда-нибудь слышали о чём-нибудь подобном? Птицы такие создания, что их надо долго обхаживать и так и эдак, чтобы с ними подружиться.

Я застыла. Не улетит ли он? Подскачет ли ещё ближе? Да! У меня перехватило дыхание. Ближе, ближе, совсем близко — и вот он уже скачет, как ни в чём не бывало, у моих ног, бесстрашно на меня поглядывая. Ну и ну. Чтобы вольная пташка сама к вам пришла... Я испытывала восторг, чтобы не сказать — благоговение.

Не пошевелив ни единым мускулом, я начала издавать тишайшие звуки, закурлыкала с ним, как с младенцем, только ещё тише. Я пыталась его заморозить, установить между нами мысленную связь, совершить чудо. И он подобрался вплотную!

— Вот так история, — зашептала я одними губами. — Ты знаешь. Знаешь, что я не протяну к тебе руку, не испугаю тебя ни за что на свете. Ты знаешь это, потому что ты — человек и одновременно совершенно прелестная пичужка. Ты знаешь это, потому что ты живая душа.

Спустя годы я поняла: в то утро со мной случилось то же самое, что с девочкой Мэри, когда она шла по длинной аллее, а потом присела и «защебетала, как малиновка».

Слова, которые я шептала, видимо, были похожи на птичий щебет, так как он внимательно слушал, а потом — вот уж чудо из чудес! — взлетел на кустик — рукой подать, на уровне моего колена — и уселся, всем своим видом показывая, что доволен течением беседы.

Ради него я превратилась в каменное изваяние. Никакие соблазны не заставили бы меня пальцем пошевелить.

Я думаю, он пробыл со мной около получаса. А затем исчез. Куда, когда — не знаю. Ещё секунду назад прыгал среди розовых кустов, и вот уже его нет.

Вообще его поведение — с первой до последней минуты нашего знакомства — отличалось загадочностью. За месяцы нашей чудесной близости он ни разу не намекнул, где его гнездо. Я понимала, что в розарии, но не более того. Робость была ему неведома. Тут было о чём задуматься, и после долгих размышлений, кажется, я нашла объяснение. Он здесь родился и, будучи существом домашним, отказался последовать за семьёй, когда та впервые перемахнула через стену, за которой начинается аллея, или через живую изгородь, за которой укрываются фазаны. Он остался в царстве роз, а потом ему стало одиноко. Без отца и матери, без братьев и сестёр его охватила тоска. Тут он заметил живое существо — я продолжаю настаивать, что он увидел во мне такую большую малиновку, — и подскакал посмотреть, что она ему скажет.

Её поведение вселяло уверенность. Она издавала манящие, хоть и невнятные звуки. Он чувствовал её расположение. А какая чудная! Ни в какое гнездо не влезет. И явно не умеет летать. Так он, вероятно, думал, но без всякой неприязненности. Инстинкт ему подсказывал: она им восхищается, хочет, чтобы он был рядом, и ему с ней было уютно. Она ему нравилась, и он уже не так тосковал. Ему не хотелось возвращаться.

Из-за дождя я следующий день провела дома. А наутро, как обычно, вышла в розарий поработать под своим деревом. Не прошло и получаса, как что-то заставило меня оторвать глаза от бумаги. Птенчик неопределённой расцветки тихо прыгал в траве, и моё присутствие, судя по невозмутимо-влажному взгляду, его несколько не смущало. Он вернулся намеренно — ведь мы теперь друзья.

Это положило начало нашей близости, которую можно описать разве что вполголоса. С этого момента все сомнения развеялись. Мы всё поняли друг про друга. Каждое утро, стоило мне выйти в сад, как он появлялся, чтобы разобраться: что же это за малиновка-великанша? Непонятно, но занятно. Я сидела неподвижно, издавая характерные звуки, исполненные восторга и нежности, и с каждым разом он подбирался всё ближе. И од-

нажды, когда я встала, чтобы прогуляться по саду, он поскакал за мной.

Уж не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я осознала, что имею дело всё-таки с птицей. Орнитолог сразу бы сообразил. Как-то раз я склонилась над розовым кустом и вдруг спиной почувствовала, что он, как всегда, возник ниоткуда, без предупреждения. Я скосила глаза и чуть не вздрогнула, что было бы катастрофой. На его груди появились первые признаки окраса — пока какой-то рыжеватый, но это было настоящее откровение!

— Можешь больше не притворяться, — сказала я ему. — Ты разоблачён. Нет бы сразу сознаться, что ты малиновка.

Он не стал отпираться — ни тогда, ни потом. В ближайшие две недели он обзавёлся обтягивающей фигуру атласно-блестящей красной манишкой, а вместе с ней пришла юношеская зрелость — как у подростка, впервые надевшего костюм. Движения сделались более проворными и уверенными. Он начал понемногу летать и издавать звуки, которые ещё нельзя было назвать пением. Вместо неожиданного появления в траве я теперь слышала небесный всплеск крылышек, после чего он обнаруживался на ветке у меня над головой. Он изящно склонял головку, чтобы принять молчаливое, но отзывчивое участие в наших постоянных беседах. Говорила я о том, как его люблю, как хороша его атласная красная манишка, какие у него большие ясные глаза, какие изящные и стройные ножки. Ох, и лестила же я ему! Он обожал лести. Но больше всего ему нравилось, когда я говорила, что он не выносит грубой лести. Он считал это признаком хорошего тона.

Однажды блаженным солнечным утром я вела с ним привычную беседу, и он казался особенно довольным. Возможно, ему нравилась моя большая белая шляпа с венком из розочек. Видя, как он на неё посматривает, я деликатно намекнула: мол, я её надела в надежде, что он одобрит мой выбор. Я сорвала несколько живых роз цвета нежных кораллов и в рассеянности их перебирала. Вдруг он вспорхнул — и через мгновение оказался на моей шляпе посреди венка из розочек.

Что я? Сохранила невозмутимость? Не шелохнулась? Знаю одно: я боялась дышать. Я не верила самой себе — вот она, чистая радость!

Он там чувствовал себя как дома. Поскакал по канту, осторожно поклевал розочки. То, что под шляпой нахожусь я, толь-

ко придавало ему уверенности. Меня-то он уже хорошо знал. Он выяснил всё, что его интересовало в летних шляпах, и улетел.

С каждым днём мы становились всё ближе. Он усаживался на веточку в сантиметрах от моего лица и буквально ловил каждое слово, отвечая на него своими свиристелками. А ещё он любил сидеть на рукописи, пытаясь прочесть мои каракули. Порой мне казалось, что он проявляет недовольство из-за неразборчивости почерка. Он склёвывал крошки с моей ладони. Он устраивался на спинке моего стула или у меня на плече. Стоило мне открыть дверь в сад, как меня встречал приветственный трепет милых крылышек, и через секунду он уже был рядом. Он всегда появлялся из ниоткуда и исчезал в никуда.

Всё лето это оставалось для меня загадкой. Может, он всё-таки был не настоящей птицей? Может, это была фея? Кто знает. Мои многочисленные гости проявляли к нему повышенный интерес. Все про него слышали, но мало кто видел, и мне часто задавали вопрос: «А можно нам тоже поглядеть на робина?» Один мой американский гость окрестил это чудо природы «Робин-Бесподобен». Все диву давались: что же это за существо — птица не птица, человек не человек!

Когда я выводила гостей в сад, он вёл себя в высшей степени вежливо. Стоило мне подойти к дереву и позвать его, как он непременно появлялся, но... у дверей меня не встречал. Да, он усаживался рядом и щебетал со мной, но всё было немножко по-другому. Его истинный шарм раскрывался лишь наедине со мной.

Я всё ждала, когда же он начнёт петь. Однажды утром, когда яркие лучи солнца пробивали листву насквозь, мне пришлось установить большой японский зонт-тент, чтобы поработать в тени. Вдруг где-то запела малиновка, в отдалении, как мне показалось. Это было так красиво, что я подалась вперёд, пытаясь разглядеть певца на дереве. И тут я сделала чудесное открытие. Он сидел вовсе не на дереве. Он сидел на одной из бамбуковых опорок моего тента, похожего на огромный цветок. Это был мой Робин, исполнявший для меня свою первую песню. Он открыл в себе новый талант и решил мне его продемонстрировать.

Почему мне показалось, что трели доносятся со стороны? Звуковой эффект прояснила любопытная деталь: он пел с закрытым клювом. Его алое горлышко раздувалось и трепетало от рвущихся наружу мелодий.

Возможно, с первой песней малиновки всегда так бывает. Мне трудно сказать. Знаю только одно: так выглядела его первая попытка. Свой безмерный восторг я выразила потоком красноречия. Я им восхищалась, я ему льстила. Я заверяла его в том, что никто и никогда так ещё не пел. Ему это настолько понравилось, что он спрыгнул на стол, чтобы лучше слышать и поощрить меня на дальнейшие словоизлияния.

За несколько дней он освоил пение в совершенстве. Это были уже не приглушённые, словно издалека доносящиеся ноты, а блестящие рулады из широко раскрытого клюва. Его всё чаще охватывала гордость. Если он видел, что я занята, он усаживался на соседнюю ветку и начинал меня соблазнять прельстительными трелями. Он отлично знал: нет такого человека, который мог бы устоять перед ним. Конечно, я вставала, подходила к дереву и, задрвав голову, объявляла, что его красоту и обаяние, как и мою любовь к нему, не выразить никакими словами. Он ждал этих славословий и, можно сказать, купался в них. Он знал десятки приёмов и маленьких хитростей, как привлечь к себе внимание. И каждый день изобретал новые, ещё более изощрённые.

Хвастался ли он перед другими своей победой надо мной и моей полной от него зависимостью? Честно говоря, не верю. К тому же я ни разу не видела, чтобы другие малиновки пролетали через мой розарий и тем более задерживались, дабы обменяться с ним светскими новостями. Но однажды произошла странная вещь. Сев за стол, я услышала знакомую трель. Он сидел на ветке соседней яблони. Я приветственно посвистела-пощебетала, уверенная в том, что сейчас он спустится и мы привычно потолкуем. Он прощебетал в ответ и премило склонил набок головку, но... не двинулся с места.

— Что случилось? — спросила я. — Ну же, спускайся... давай, братец!

Но нет. Он сидел бочком, напевая, и не желал спускаться. Это было так на него не похоже, что я встала и подошла к нему почти вплотную. Присмотрелась... И в душу закралось сомнение. С виду вроде Щебетун (так я его окрестила), склоняет головку набок и флиртует и распевает, как обычно, но... вдруг он не тот, за кого себя выдает? Что, если это чужак? Нет, не может быть — вылитый Щебетун. Чужак не подобрался бы так близко, не приветствовал бы меня с такой задушевностью, не держался бы так грациозно. Мистика, да и только. Я уж к нему и так

и так — ни в какую! Слушает умильно, машет хвостиком и сидит на ветке, как приклеенный.

— Послушай, — не выдержала я. — Я тебе не верю. Тут что-то не чисто. Ты делаешь вид, что мы старые друзья, а при этом ведёшь себя так, будто меня боишься... будто ты самая обыкновенная птица из пуха и перьев. Нет, ты не Щебетун. Ты самозванец!

И вот, когда я стояла под деревом, то упрашивая, то выговаривая, то пускаясь на всякие хитрости, откуда ни возьмись, пролетает красная молния — Щебетун собственной персоной, весь взъерошенный, комок ярости. Тот, кто сидел на ветке, действительно оказался самозванцем, и мой спаситель поймал его за руку или, лучше сказать, за лапку. Ох, что было! Бесстрашный воин набросился на наглого соперника. Он бил его крылышками, клевал и костерил, он согнал его с ветки, он носился за ним по всему саду, пока не прогнал с позором — через живую изгородь, в лес, к фазанам! Не удивлюсь, если он его убил и оставил хладный труп в зарослях папоротника. Впрочем, этого я не знаю. Знаю только, что вернулся он всклокоченный, отдувающийся, и в глазах — последний отблеск кровожадности. Он спикировал на мой стол и, ещё не отдышавшись, начал приводить себя в порядок. И на меня посматривает — негодуя, с какой-то непримиримостью. Я показала себя неразборчивой глупой простушкой, позволив обвести себя вокруг пальца.

Я совсем стушеввалась перед его праведным гневом. Кажется, я сильно побледнела. И, как всякая благородная женщина, вынужденная иногда прибегать к змеиным уловкам, я попыталась как-то его умилостивить.

— Я ведь сразу не поверила, что это ты, — заговорила я дрожащим голосом. — Да он тебе в подмётки не годится! И манишка у него твоей не чета. И взгляд не берёт за душу. И ножки так себе. А уж клюв... Ты же слышал, как я назвала его самозванцем.

Он прислушался, вроде как расслабился, помягчел. И даже милостиво взял крошку с моей ладони.

Постепенно мы оба осознали всю низость этой истории. Самозванец тайно следил за нами, завидуя нашему счастью. И ему в голову пришла подлая, преступная мыслишка... ах, мерзавец, ах, наглец!.. выдать себя не просто за малиновку, а за мою малиновку, за самого Щебетуна, и попытаться занять его место в моём сердце! Однако он был выведен на чистую воду, изгнан с позором, и мы снова воссоединились.

Не буду вас обманывать. Робин был ревнив как чёрт. Мне приходилось держаться довольно холодно с садовником всякий раз, когда тот приходил обсудить наши общие планы. Стоило ему появиться, и Щебетун тут как тут. Скачет за нами по траве, перелетает с куста на куст. Ловит каждое словечко. Если ему казалось, что наш увлекательный разговор об удобрениях или растительной тле начинает приобретать задушевный характер, то он вмешивался незамедлительно. Распевал, отвлекая на себя внимание. Порхал у нас под носом. Если ничего не помогало, взлетал на макушку яблони и раздражался сногшибательной трелью, изображая из себя оперного певца. Естественно, мы прерывали нашу беседу ради этой арии. Загрубелое, обветренное лицо старика Бартона растягивалось в улыбке:

— Он делает это, чтобы мы на него посмотрели. Для него оставаться незамеченным — смерти подобно.

Но в нём говорило не только тщеславие. Прежде всего — любовь. Нежнейшая мелодия, что пульсировала в алом горлышке, звучала для меня. Он пел мне и только мне. Когда мы оставались вдвоём — только мы и розы, и шмели, и солнце, и тишина вокруг, — он раскачивался на тонком прутике, я ему что-то нащёптывала, но стоило мне взять паузу, как он отвечал своей «далёкой» трелью. И это было божественно. Один умный человек, кое-что знавший о повадках птиц, сказал мне прелюбопытную вещь:

— Это его брачная песня. Ты в нём разбудила безнадёжную страсть.

Может, и так. Розарий был для него целым миром, и за всё лето он его, кажется, ни разу не покинул. Когда бы я ни вышла в сад, он тотчас выскакивал из кустов на мой призыв, всегда из разных мест. Но однажды, поздней осенью, я увидела, что он прилетел ко мне из-за кирпичной стены, отделяющей мой розарий от общего сада. Вид у него был виноватый, и он как-то суетился. Похоже, он хотел скрыть от меня этот факт.

— Ты познакомился с юной особой, — сказала я. — Или вы уже обвенчались?

Он начал отнекиваться, но это звучало не слишком убедительно.

Итак, он обнаружил, что мой розарий — ещё не целый мир. Существует кое-что по ту сторону стены. Не скажу, чтобы это сильно захватило. Чаще всего он оказывался где-то побли-

зости и на мой призыв всегда откликался. Я заговаривала с ним о юной особе за стеной, и, хотя он отвечал по-джентльменски сдержанно, было ясно, что любит он меня. Любит мои подражания пению малиновки, любит мои нашёптывания. Взгляд его влажных чёрных глаз говорил: только мы с тобой понимаем такие вещи, о которых другие даже не догадываются.

Зимой владелец этой чудесной виллы, которую я снимала вот уже девять лет, вознамерился её продать. В декабре я собиралась на пару месяцев в швейцарский Монтрё, а в марте должна была вернуться в Англию и подписать бумаги об окончании аренды. Пока же мы с робинотом виделись ежедневно. Перед отъездом я позвала его, чтобы сказать, куда я уезжаю.

Два-три месяца разлуки для такой крохи — целая вечность. Вспомнит ли он меня? Я всё же не настоящая малиновка. Мне было что ему сказать. Я даже не знала, застану ли его в саду, когда вернусь. Сплошные вопросы.

Но вот остались позади заснеженные горы с катанием на лыжах и санях. В Кенте тоже лежал снег, в парке белым-бело. До дома я добралась поздно вечером. А поутру я надела тёплую красную куртку, спустилась по террасе из плитняка и двинулась по длинной аллее к милым местам, где на белом фоне изящно чернели голые кусты роз. Я остановилась под моим деревом и позвала робина. А про себя подумала:

«Ты, наверное, улетел, моя радость? Увижу ли я тебя ещё когда-нибудь?»

Я ждала... Прежде мне не приходилось ждать. Исчезли розы — и он вместе с ними. Я позвала снова. Вообще я подзывала его тихим высвистом в подражание малиновке или щебетом, а иногда так: «мил-мил-милок», что, по-моему, нравилось ему больше всего. Я перепробовала все варианты, и вдруг — словно огонёк вылетел из-за стены, пронёсся над лужайкой и замер в заснеженной жухлой траве у моих ног. Он меня не забыл! Не так уж долго я отсутствовала.

Тут я окончательно поняла, что имею дело с живой душой, а не просто с птицей. И вопрос о настоящем прощании, которое нам предстояло через несколько недель, замаячил передо мной во всём своём трагизме.

Сегодня я запрещаю себе об этом думать. Слишком быстро и бесповоротно всё произошло. От меня ничего не зависело. Мой путь лежал через океан, за тысячи миль отсюда. А существо

с красно-бурыми пёрышками и пульсирующей шейкой оставалось здесь, и век его, увы, такой короткий. Что мы знаем о душе в этом крошечном тельце? Чего только с тех пор я себе не фантазировала, вспоминая о нашей странной близости.

Был тёплый сыроватый день, когда я в последний раз вышла в голый сад и, остановившись под деревом, позвала моего робина. Он не заставил себя долго ждать и опустился на ветку рядом с моим лицом. Я не сумею описать, что я тогда ему сказала. Как могла, обрисовала ситуацию, и в паузах он мне отвечал любовной трелью. Я говорила с ним, как с хорошо пожившим человеком. Он слушал меня внимательно, склонив головку набок, и, кажется, всё понял. Я объяснила, почему мы больше никогда не увидимся.

— Но ты не должен считать, что, если я не вернулась, значит, про тебя забыла, — сказала я. — За всю мою жизнь я никого не любила так, как тебя, не считая двух моих детишек. И уже не полюблю. Наши души соединены навеки. О такой близости люди могут только мечтать. Не будем прощаться. Люблю, люблю, люблю...

Я повернулась и ушла. В этот сад больше никогда не ступит моя нога.

